

РАЗДЕЛ II
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

**Part II. THE PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT
OF SOCIETY AND THE EDUCATION SYSTEM**

DOI: 10.15372/PHE20160606

УДК 30+13+327

**СОВЕТСКИЙ НЕПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ МОДЕРН,
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ
И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ¹²**

**Статья 2. Срывы постсоветской модернизации
и инновационное развитие**

А. А. Гордиенко (Новосибирск)

***Аннотация.** Автор показывает, что в рамках альтернативной версии советского «непотребительского модерна» был накоплен такой потенциал, который позволил стране в послевоенное время приступить к очаговой институционально-личностной модернизации, стать обществом, устремленным к постиндустриальному развитию. Такой прорыв был обеспечен тотальной инициативной гражданской активностью той части народа, которая была вовлечена в процесс восходящей индивидуации в сфере науки и образования. Однако к тому времени в стране в результате блокирования трансформации зрелого порядка ограниченного доступа в порядок открытого доступа началось размывание тех институтов, которые поддерживали возможности «социального лифта». В этих условиях к власти пришла пассионарная группа, ориентированная на «бытовое благоденствие» и распределение/перераспределение природной ренты. Та часть общества, которая поднялась на уровень восходящей индивидуализации, располагая инновационным интеллектуально-нравственным потенциалом и образуя критическую массу социальной базы реформ, осталась невостребованной реформаторами. Значительное количество носителей этого потенциала попадают в позицию субалтерна – «состояние заброшенности», «отложенной субъектности», «пограничного*

¹² Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-03-00437 «Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия реформы академической науки в России».

© Гордиенко А. А., 2016

Алексей Аркадьевич Гордиенко – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН.

E-mail: gordienko.22@mail.ru

Aleksei A. Gordienko – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of SB RAS.

сознания». К тому же рост централизованных процессов обуславливает субалтернизацию и носителей доминирующего сознания. В современной России существует и воспроизводится скрытый человеческий потенциал, ориентированный на инновационное (постиндустриальное) развитие, носители которого при отсутствии горизонтальных взаимодействий оказываются объектами субалтернизации. Это относится не только к модернизаторам «снизу», но и к тем, кто пытается запустить инновационное развитие исключительно «сверху».

Ключевые слова: колониальность, ориентализм, субалтернизация, «непотребительский» модерн, институционально-личностная модернизация, инновационное развитие.

SOVIET NON-CONSUMPTIVE MODERN, POST-INDUSTRIAL COUNTER-REVOLUTION IN RUSSIA AND INNOVATIVE DEVELOPMENT

Paper 2. Failures of the post-Soviet modernization and innovative development

A. A. Gordienko (Novosibirsk)

Abstract. *The author shows that, in the framework of an alternative version of the Soviet «non-consumptive modern», there was accumulated a potential which allowed the country to start a focal institutional and personal modernization after the war, to become a society aspiring to post-industrial development. This breakthrough was achieved because of total civil initiative activity of the part of the people involved into the process of rising individuation in the sphere of science and education. However, by that time in the country, the erosion of the institutions that supported the possibility of a «social elevator» began as a result of blocking the transformation of a mature order of limited access to an order of open access. In these circumstances, power was taken by a passionate group focused on «everyday prosperity» and the distribution/redistribution of the natural resources rent. At the same time, the part of the society that had risen to the level of the ascending individualization had an innovative intellectual and moral potential and could create a critical mass of the social base of the reforms remained unclaimed by the reformers. A significant number of the bearers of this potential falls into the subaltern position: «a state of abandonment», «put off subjectivity», «borderline consciousness». Moreover, the growth of centric processes determines subalternization also of the bearers of prevailing consciousness. In modern Russia there is a hidden human potential focused on innovative (post-industrial) development, the bearers of which without any horizontal relationships are objects of subalternization. This concerns not only the modernizers «from below» but also those who try to drive the innovative development only «from above».*

Keywords: *orientalism, subalternization, «non-consumptive» modern, institutional and personal modernization, innovative development.*

Введение

Понимание процессов модернизации связано не столько с выявлением цивилизационной специфики той или иной страны, интерпретированной как некие культурные коды, сколько с концептуальным представлением того ядра («клеточки») данной цивилизации, которое обуславливает ее динамику, разворачивающуюся в наличной системе «вызовов» внутренней и мировой ситуации. Как было показано в предшествующей статье, конституирование современной западной цивилизации началось в процессе реформации с утверждения базовой для эпохи модернити материально-партикулярной индивидуальности. Такая индивидуальность связана со сменой человекообразующих доминант – переходом от доминирования экзистенциальной аскезы к мирской, трудовой аскезе, осуществляемой в повседневном систематическом труде. Этот процесс обеспечивался становлением механизмов, ориентированных на производственное накопление капитала, когда норма накопления оказалась в зависимости от степени аскетического самоопределения предпринимателя-протестанта и тем самым обрела контуры культурно-религиозного и этического основания. В результате возник и специфический тип социальной конфигурации – гражданское общество («управляемый конфликт») – как условие и гарант формирования соответствующих политических институтов и государства.

В своей полноте и динамике процесс трансформации западноевропейских обществ в современную цивилизацию некоторые авторы фиксируют как факт «активнейшего конструирования, в результате которого возникает соответствующая модель личности». В последующем развитии «все следы конструирования этой модели были стерты, и искусственную конструкцию» следует «понимать не только как естественную, но и как некую историческую константу» [1, с. 394]. Такое «конструирование» западной цивилизацией своей целостности, устремленность характерных для нее базовых процессов к обретению естественного характера имеют эвристическое значение при концептуализации российской цивилизации.

Как ни кажется парадоксальным, но процесс конституирования адекватных условий для развития восходящей индивидуализации – базовой для российской цивилизации – складывался в советское время в сфере образования, науки и научно-технического развития. Надо сказать, что это произошло не без участия западных стран, технико-технологические достижения которых, будучи заимствованными, стали материально-технической базой такого развития. Сам по себе факт институционализации восходящей индивидуализации в этих сферах имеет принципиальное значение для осмысления ситуации, сложившейся в современной России.

Советская версия непотребительского модерна и институционально-личностная модернизация в России

«Советский проект модерна, по мнению польского исследователя И. Арнасона, был сосредоточен на расширении рационального овладения миром и его координации; если первый из этих аспектов может рассматриваться как составной элемент модерна в целом, то второй представляет собой реакцию против западной версии модерна. Рациональность должна быть максимизирована под эгидой управляющего центра и без той конфликтной динамики, которая сопровождала ее развитие в западном мире» [2, с. 63]. Подобная же культурная переориентация была отражена в едином «научном мировоззрении» марксизма-ленинизма: «Безоговорочная вера в науку как источник прогресса была соединена с абсолютизацией ее культурной функции и отказом признать конфликт интерпретаций нормальным положением дел [2, с. 63]. Такая абсолютизация и тип индивидуализации, характерные для российской цивилизационной парадигмы, обусловили специфические особенности советской модернизации.

Обращаясь в этом контексте к итогам реализации советского проекта, изначально следует зафиксировать тот факт, что «СССР представлял собой самостоятельную альтернативную версию *непотребительского* по своей природе общества модерна» [3, с. 345]. «Вынося за скобки вопрос о цене “прогресса”, следует признать: к началу 1960-х гг. СССР вошел в обойму индустриально развитых стран мира прежде всего благодаря государственной системе научных исследований» [4, с. 19]. В эти годы Советский Союз «имел лидирующие позиции в ключевых областях науки и, по оценкам ряда экспертов США, обладал лучшей в мире системой образования» [4, с. 19]. В результате «позднее советское общество, – как считает В. Мартьянов, – не нуждалось в модернизации как переносе неких ключевых естественных ценностей и норм, принадлежа к тому же идейному пространству модерна, что и Запад» [3, с. 345]. По мнению А. А. Яковлева, в советский период страна обладала уже зрелой системой порядков ограниченного доступа как необходимой стартовой позицией для начала трансформации в порядки открытого доступа [5, с. 165].

Более того, в СССР «приблизительно к концу 50-х гг. XX в. стала складываться перспективная социетальная форма “общества образования”, и в этом плане Советский Союз на 30–40 лет опережал ведущие страны Западной Европы, где созвучный социальный проект (“общество знания”) возник уже ближе к концу столетия» [6, с. 72]. «Следы» этого советского «общества образования» присутствуют в российском обществе до сих пор. Сравнение и с американцами, и с немцами показало, что

именно «в российском менталитете сохранилась характерная смысловая маркированность всего ряда понятий, относящихся к познанию, образованию и духовной жизни вообще...» [6, с. 72].

По сути дела, все эти факты фиксируют не только научно-образовательный, но и перспективный общественно-преобразовательный потенциал, которым располагало советское общество в сфере науки и образования того времени. И этот общественно-преобразовательный потенциал проявил себя в полной мере, когда в «бурные 60-е» гг. XX в. наиболее развитые общества начали перестраиваться в более гибкую систему с элементами постиндустриальных отношений. Такие отношения по самой своей природе предполагают перманентную институционально-личностную модернизацию с ее акцентом на развитие общественных отношений, институтов, человеческого капитала и культуры. В процессе этой модернизации происходит смещение ответственности из домена государства в гражданское общество. За гражданином закрепляется статус субъекта модернизации, он становится также главной ее целью [7, с. 274–275]. В СССР в этот период в индустриально продвинутых регионах возникли очаги спонтанной институционально-личностной модернизации. Они складывались «снизу», так сказать, от «самого народа» (руководство страны было занято разработкой в духе консервативной модернизации программы строительства коммунизма) и в наиболее полной мере реализовывались в процессе создания комплексных научных центров в восточных регионах страны, прежде всего в Новосибирске [8, с. 187–273].

Можно сказать, что в рамках альтернативной версии советского потребительского модерна был накоплен такой потенциал, который позволил стране уже в послевоенное время не только стать одним из лидеров научно-технического развития (выйти в космос, создать ракетно-ядерный паритет и т. д.), но и приступить к очаговой институционально-личностной модернизации, то есть стать страной, устремленной к постиндустриальному развитию. Такой прорыв был обеспечен тотальной инициативной гражданской активностью той части народа, которая была вовлечена в процесс восходящей индивидуации. Причем инициативный порыв был такой силы, что в последующий период, связанный с переходом к рынку (несмотря на разрушительный брежневский застой), он обернулся мощным потенциалом спонтанной самоорганизации, направленной на осуществление объявленной в 1991 г. стратегии развития социально-ориентированной инновационной рыночной экономики.

Все это означает, что «России-СССР на пороге 1990-х гг. был предоставлен шанс войти в мир, где сложно организованные личность и общество становятся ведущими факторами развития» [9, с. 5]. Более того, поскольку главный рычаг создания основ такого мира состоит в наращи-

вании институциональных возможностей для реализации восходящей индивидуализации, постольку можно в определенном смысле говорить о возможном переходе к эндогенной институционально-личностной модернизации. Однако к тому времени в стране сложился «дефицит самостоятельных, морально мотивированных субъектов», к тому же и качество правящего класса оказалось низким [9, с. 5].

Этот дефицит и низкое качество правящего класса возникли в результате блокирования трансформации зрелого порядка ограниченного доступа в порядок открытого доступа. Дело в том, что важнейшим элементом системы зрелого порядка ограниченного доступа в Советском Союзе была господствующая идеология. Размывание идеологии, которое началось задолго до крушения страны, привело к разрушению тех институтов, которые обеспечивали более широкий доступ к общественным благам и поддерживали возможности «социального лифта». Реальное функционирование все более определялось фактором личных связей, что подрывало систему обезличенных взаимодействий. Так возникли препятствия на пути подлинной модернизации «отечественных общественных порядков, начала перехода страны к порядкам открытого доступа» [10, с. 45]. Эти препятствия, по сути дела, блокировали спонтанно возникшую институционально-личностную модернизацию, деморализовав ее носителей.

Постиндустриальная контрреволюция, кризис национального самосознания в России и инновационное развитие

Внутренние основания провала реального социализма связаны с тем, что «революционный запал общественного творчества раннего этапа был почти совершенно вытеснен и искусственно ограничен чисто частным интересом и дискредитирован в ходе последовательного отчуждения граждан от самостоятельного участия в экономической и политической жизни общества» [11, с. 8]. Именно с этого началось размывание идеологии. Опираясь на лозунг «общественной собственности», государство фактически узурпировало общественную составляющую индивидуальной активности людей. В определенном смысле это была реакция правящей номенклатуры на послевоенный всплеск гражданской инициативы, выразившийся в том числе и в формировании очагов институционально-личностной модернизации. По сути дела, лозунг на наращивание общественной собственности стал одной из главных установок неудавшейся программы строительства коммунизма с ее акцентом на

механическое обобществление материального производства и огосударствление общественной жизни.

Это привело, с одной стороны, к соединению в сознании людей принципа «общественной ценности» и «общественной собственности», с другой – к убеждению о якобы «недостаточном уважении к частному интересу». В то время как это “уважение” на социальном уровне было фактически гипертрофировано без компенсации реальным уважением к интересу общественному» [11, с. 8]. Людям для забот осталась лишь узкая сфера их частной жизни, тем самым было заблокировано «развитие ценностей, внутренне ограничивающих частный интерес, то есть ценностей общественного интереса. Но поскольку внутренняя общественная составляющая деятельности людей была под запретом, то частный интерес не мог ограничиваться иначе, нежели извне, внешним образом с помощью политических и идеологических репрессий» [11, с. 8].

Так, в советское время с характерным для него «непотребительским модерном», с одной стороны, не мог сформироваться гражданский частный интерес в силу отсутствия необходимых для этого типа личности (с доминантой на мирскую аскезу) институтов, обеспечивающих и утверждение этого типа личности, и формирование соответствующей социальной конфигурации, с другой – советская система, гипертрофировав частый интерес, противопоставила ему бюрократические механизмы его внешнего ограничения, заблокировала развитие соответствующих внутренних ограничителей. И в этих условиях в 1990-х гг. в стране начались рыночные преобразования. При этом «оптимисты-рыночники ждали, – пишет С. В. Цирель, – едва ли не идеальных представителей гражданского общества, проникнутых протестантской этикой и одновременно идеалами Просвещения и Великой французской революции» [12, с. 97]. Естественно, все обернулось теневой криминальной приватизацией, которая имела такой масштаб, что, по мнению многих наблюдателей, могла породить криминальное поколение.

В результате в стране к власти пришла не «эkleктичная генерация людей – прообраз постиндустриального класса» [9, с. 5], возникшая на закате существования СССР, а пассионарная группа, ориентированная на «бытовое благоденствие», «основой деятельности, которой стала “трофейная экономика” (salvage economy) и распределение/перераспределение природной ренты. Свойственная группе “ранних победителей” (спецслужбы – цеховики – комсомольцы) моральная коррупция и короткий горизонт планирования предопределили постиндустриальную контрреволюцию и социальную деградацию» [9, с. 5]. Воспринимая западный мир в контексте «бытового благоденствия» и «моральной коррупции», «контрреволюционеры» заимствовали в этом мире отнюдь не лучшее и передовое. Как пишет В. Л. Ино-

земцев: «Современная Россия – это социальная система, сформировавшаяся в результате произошедшего в мире быстрого краха всех ценностных ориентиров и целей, где доминантой выступает примитивная материалистическая мотивация. По сути дела, путь, который выбрала Россия, был найден ею самой, но в мире, менее циничном и меркантильном, чем нынешний, он вряд ли бы состоялся» [13, с. 179]. На этом фоне произошла общая демодернизация и деиндустриализация страны, а вместе с этим оказались за бортом государственных приоритетов образование, наука и научно-технический прогресс.

В дальнейшем «ранние победители», выигравшие в результате частичных реформ, стали основным тормозом последующих преобразований. Их устраивает ситуация половинчатости реформ, «поскольку именно она позволяет им продолжать удерживать свои позиции и получать различные виды ренты как от государства, так и от общества» [14, с. 39]. Специалисты характеризуют такую ситуацию как патологические срывы модернизации. Государства в подобной ситуации «преследует череда неудач и провалов, с одной стороны, подрывающая их стабильность, а с другой – блокирующая процессы естественного формирования институциональной основы современного общества» [10, с. 39]. Череда неудач и провалов провоцирует нарастание конфликтов, которые предполагают формирование сети институтов, обеспечивающих консенсус конфликтующих групп. Однако власть так и не выстроила необходимых для этого институтов.

Первоначально это связано с тем, что в момент преобразований, связанных со сменой общественного строя, на постсоветском пространстве возник социокультурный контекст с асимметричными взаимоотношениями Запада и постсоветской России. Такая асимметричность обусловлена «темной стороной» западной модерности – колониальностью, которая и определила господство современных мыслительных схем, дихотомии модерности и традиции при проблематизации и концептуализации процессов реформирования России. С этим связаны поспешные и половинчатые попытки нормативного импорта институтов, их бездумное копирование. Конечно, на выбор современной России повлияла и актуализировавшаяся традиция внутренней колонизации, которая исходит из глубин ее истории, несомненно, и то, что в данном случае внешняя колонизация связана с внутренней.

Главное – в том, что новое правящее сословие, взяв на вооружение мировоззрение модерна в контексте его противопоставления традиции, по сути, «диктаторски», в духе характерной для России «деспотической» модернизации (с ее современными формами «шоковой терапии» и пр.) задавало тон историческим преобразованиям. В этих условиях колониаль-

ная традиция «работает» двояко: с одной стороны, она порождает идеологически нагруженные ориенталистские образы (восточный деспотизм, традиционное общество), которые используются для критики российской жизни, российской ментальности, с другой – сами ориенталистские образы так или иначе реализуются в практике, пришедшей к власти эклектической группы, которая использует традиционные для России формы внутренней колонизации.

В этой связи в проводимых реформах нельзя не заметить доминирующей идеологической подоплеку при видимом политическом плюрализме идеологий. На самом раннем этапе реформ были использованы приемы, связанные с примитивизацией и дискредитацией неудобных для реформаторов ценностей. В частности, в дискурсе, навязываемом реформаторами всему обществу, были репрессированы ценности равенства и справедливости. Уже на этом этапе (1996 г.) «абсолютное большинство россиян (92% опрошенных)» было «убеждено, что “современное российское общество устроено так, что простые люди не получают справедливой доли общественного богатства”. Эта несправедливость связывается в массовом сознании с итогами приватизации, которые, по мнению $\frac{3}{4}$ опрошенных, являются ничем иным, как “грабежом трудового народа”» [15, с. 91]. Возник феномен, который специалисты называют «травма приватизации».

В последующий период на все стороны жизни распространяется принцип «победитель получает все». Предполагается, что этот принцип в экономике создает условия конкурентной борьбы, увеличивает эффективность во всех сферах жизни, создает стимул инновационного развития, поощряет упорный труд, приводит к повышению уровня жизни. «Однако такой принцип в России воплощается в упрощенных формах и в конфликтной онтологии, поскольку есть другая сторона конструкции, – “проигравший”» [16, с. 17]. При этом те, кто «выиграл», имели, как правило, лучшие стартовые условия, много и тех, кто использовал криминальные и полукриминальные методы.

Но дело не только в том, что одни люди преуспели, а другие нет. «Дело и в том, что в публичном пространстве возникли интерпретации “выигравших”; им, выигравшим, начали приписывать “прогрессивные” черты. Такие индивиды, как считается, не вызывают проблем для реформ. Напротив, считается, что “прогрессивные” черты не могут преобладать у тех, кто оказался непригодным, необразованным, «несовременным», не в состоянии адаптироваться. “Лузеры” сконструированы как другие. Проигравшие виноваты сами. Создаваемый дискурс помогает победителям легитимировать сложившееся положение вещей, при котором они себя таковыми чувствуют» [16, с. 17].

При этом материальная основа успеха ставится во главу угла. Важно и то, что тезис «победитель получает все» перекликается с повседневно реализуемыми маркетинговыми технологиями и сквозит в рекламных слоганах: «Возьми от жизни все», «Ты этого достоин», «Ты это можешь» и др. Победителю в борьбе за материальный успех противопоставлен проигравший. В результате люди живут в «режиме сравнения», где зачастую «успех другого воспринимается как мое унижение». Люди оказываются в депривации (моральной, статусной, возрастной), которая вызывает состояние лузерства, когда не уважается профессия, прошлое, место, где человек живет, и т. д. Так, в господствующей парадигме реформируемого общества происходит утрата субъектности «проигравшими». При этом люди, чьи идентичности, знания и даже само существование постоянно ставятся под сомнение, воспринимаются «как проблема». И дело здесь не столько в традициях и менталитете населения, сколько в кардинальных изъянах реформ, когда в процессе трансформации были в значительной степени ликвидированы институты государственного патернализма. При этом вместо того, чтобы стимулировать самореализацию трудоспособного населения, создавая для этого соответствующие условия, реформаторы ввергли большую часть населения в депривацию, оно (население) оказалось в позиции субалтерна – «состоянии заброшенности», «отложенной субъектности», «пограничного сознания». Это и обусловило во многом то, что Россия «переживает кризис национального духа и самосознания (курсив мой. – А. Г.): рухнула прежняя, коммунистическая, система ценностей и, не успев, самоутвердиться, под сомнение и усиливающуюся критику поставлена и ее либеральная альтернатива. Общество оказалось в состоянии аномии, рассогласования и утраты ценностных ориентиров, а психологически – растерянности и подавленности перед лицом крушения двух социальных проектов и экспериментов – коммунистического и неолиберального» [17, с. 25].

Таким образом, в первое десятилетие реформ в стране развиваются процессы социальной деградации, которые отбрасывают подавляющую часть населения к нищете, унижению и субалтернизации. Люди остаются один на один со своими проблемами, страхами и вынуждены самостоятельно укореняться в действительности, приспособившись к жизни. Та часть общества, которая в сфере науки и образования поднялась на уровень восходящей индивидуализации, располагая соответствующим интеллектуально-нравственным потенциалом и образуя критическую массу социальной базы реформ, осталась невостребованной реформаторами [18, с. 23]. Значительная часть из них оказывается объектом субалтернизации.

И до сих пор российское государство не воспринимает модернизаторов «снизу» с их спонтанной инициативой и потенциалом самоорганизации на основе горизонтальных взаимодействий. В этой связи следует подчеркнуть, что центрированные процессы существуют и мыслимы лишь до тех пор, пока стороны взаимодействия выстроены иерархически. Для таких процессов характерно присутствие носителя доминирующей логики и субалтерна (как подчиненного, молчащего и слушающего – лишенного субъектности). Однако и понимание инновационного процесса как такового и выявление логики его развития в конкретных условиях предполагают по самой природе этого процесса диалог его субъектов. А это означает, что само по себе инновационное развитие с его диалогами направлено на преодоление конкретных форм отчуждения человека, характерных для индустриального общества, где доминируют центрированные процессы, в рамках которых, вообще говоря, и носитель доминирующей логики, и субалтерн суть объекты субалтернизации.

В этой связи следует предположить, что в современной России существует и воспроизводится, так сказать, скрытый человеческий потенциал, ориентированный на инновационное (постиндустриальное) развитие, носители которого при отсутствии горизонтальных взаимодействий оказываются объектами субалтернизации. Это относится не только к модернизаторам «снизу», но и к тем, кто пытается запустить инновационное развитие исключительно «сверху». В создавшейся ситуации их роль не ограничивается только созданием среды инновационного развития, она может оказаться решающей и для выхода страны из кризиса национального духа.

Задача – в том, как мобилизовать потенциал обеих сторон при условии, что и носитель доминирующей логики, и субалтерн (как лишенный субъектности) не столько отстранены, так сказать, не могут быть релевантными задачам инновационного развития вне диалога, сколько находятся в состоянии эпистемологической и онтологической несвободы. Но это уже предмет следующей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Пигалев А. Н.** Проблема человека в культуре постмодерна // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: материалы VI Рос. филос.конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.): в 3 т.– Нижний Новгород, 2012. – Т. 1. – С. 394.
2. **Арнасон Й.** Советская модель как форма глобализации // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 4. – С. 53–76.
3. **Мартьянов В.** Ремодернизация российского модерна: теория, практика и/или риторика? // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6. – С. 338–355.
4. **Гранин Ю. Д.** Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 3–24.

5. **Яковлев А. А.** Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России. – 2012. – № 4. – С. 162–173.
6. **Андреев А. Л.** Российский социум как «другая» Европа // Общественные науки и современность. – 2013. – № 3. – С. 70–79.
7. **Согомонов А.** Этика догоняющей модернизации // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6. – С. 269–276.
8. **Гордиенко А. А.** Новосибирский Академгородок реликт «утраченного мира» или «Силиконовая тайга». – Новосибирск, 2014. – Кн. I: Социально-исторические и генетические предпосылки трансформации науки XXI века. – 386 с.
9. **Некlessа А.** Культиваторы будущего // Независимая газета. – 2015. – 23 октября. – С. 5.
10. **Плискевич Н. М.** Возможности трансформации в России и концепция Норта –Уолиса-Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня. // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 37–50.
11. **Глинчикова А. Г.** Частная собственность и общественный интерес – дилемма России // Вопросы философии. – 2011. – № 3. – С. 3–11.
12. **Цирель С. В.** Когда в России будет демократия, или Наказ внукам // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 98.
13. **Иноземцев В. Л.** Что случилось с Россией? От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 10. – С. 172–179.
14. **Бусыгина И., Филиппов М.** Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. – М., 2012. – 231 с.
15. **Рукавишников В. О., Руковишникова Т. П., Золотых А. Д., Шестаков Ю. Ю.** В чем едино «расколотое общество»? // Социологические исследования. – 1997. – № 6. – С. 89–98.
16. **Данилова Н. Е.** Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // Социологические исследования. – 2014. – № 5. – С. 16–26.
17. **Россия в глобализирующемся мире:** мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В. С. Стёпин]; Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. – М.: Наука, 2007. – 640 с.
18. **Тульчинский Г. Л.** Российский потенциал свободы // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 16–30.

REFERENCES

1. **Pigalev A. N.** (2012). The problem of human being in the culture of postmodern. *Phylosophy in the modern world: the dialog of outlooks*: Materials of the 6th Russian philosophical congress (Nizhniy Novgorod, 27–30 June, 2012): in 3 vol. Nizhniy Novgorod, vol. 1, pp. 394. (In Russian)
2. **Arnason Y.** (2013). Soviet model as a form of globalization. *Reserve stock*, no. 4, pp. 53–76. (In Russian)
3. **Mart'yanov V.** (2010) Re-modernization of Russian modern: theory, practice and / or rhetoric? *Reserve Stock*, no. 6, pp. 338–355. (In Russian)
4. **Granin Yu. D.** (2014). Modernization of Russia: in a rut of «dependent development». *Issues of Philosophy*, no. 4, pp. 3–24. (In Russian)
5. **Yakovlev A. A.** (2012). Communist beliefs and their impact on the development of economy and society: application of the new approaches of D. North to the analysis of the historical experience of the USSR. *World of Russia*, no. 4, pp. 162–173. (In Russian)
6. **Andreyev A. L.** (2013). Russian society as «other» Europe. *Social Science and Modernity*, no. 3, pp. 70–79. (In Russian)

7. **Sogomonov A.** (2010). Ethics of catch-up modernization. *Reserve Stock*, no. 6, pp. 269–276. (In Russian)
8. **Gordiyenko A. A.** (2014). *Akademgorodok of Novosibirsk as a relic of «lost world» or «Silicon Taiga»*. Novosibirsk, book One: The socio-historical and genetic background of transformation of science in the XXI century, 386 pp. (In Russian)
9. **Neklessa A.** (2015). Future Cultivators. *Independent Newspaper*, 23 oktyabrya, pp. 5. (In Russian)
10. **Pliskevich N. M.** (2013). The possibilities of transformation in Russia and the concept of Nort-Wallis-Weingast. Article 1. Failures of modernization: yesterday and today. *Social Science and Modernity*, no. 5, pp. 37–50. (In Russian)
11. **Glinchikova A. G.** (2011). Private property and the public interest – the dilemma of Russia. *Issues of Philosophy*, no. 3, pp. 3–11. (In Russian)
12. **Tsirel S.** (2008). When there will be democracy in Russia or instruction to the grandchildren. *Social Science and Modernity*, no. 1, pp. 98. (In Russian)
13. **Inozemtsev V. L.** (2010). What happened to Russia? From transient perestroika to the endless Putinism. *Reserve Stock*, no. 10, pp. 172–179. (In Russian)
14. **Busigina I., Fillipov M.** (2012). *Political modernization of the government in Russia: necessity, directions, expenses, risks*. Moscow, pp. 231. (In Russian)
15. **Rukavishnikov V. O., Rukavishnikova T. P., Zolotiy A. D., Shestakov Yu. Yu.** (1997). What unites «the breaking society»? *Sociological Researches*, no. 6, pp. 89–98. (In Russian)
16. **Danilova N. E.** (2014). The discourse of winners and losers in Russian transformations. *Sociological Researches*, no. 5, pp. 16–26. (In Russian)
17. **Russia** in a globalizing world: the philosophical and socio-cultural aspects. Resp. ed. V. S. Stepin; Section of Philosophy, Sociology, Psychology and Law of the Department of Social Sciences of RAN. Moscow: Nauka Publ., 640 pp. (In Russian)
18. **Tul'chinskiy G. L.** (1997). Russia's potential of freedom. *Issues of Philosophy*, no. 3, pp. 16–30. (In Russian)

BIBLIOGRAPHY

- Boikov, V.** (2010). Social-political values of Russians: content and realization possibilities. *Sociological Researches*, no. 6, pp. 27–35. (In Russian)
- Goryainov, V.** (2007). Social silence as a special behavior conception (about the book of Naumova «Phylosophy and sociology of personality»). *Sociological Researches*, no. 10, pp. 121–132. (In Russian)
- Ten years** of Russian reformation in the eyes of the Russians (2002). *Sociological Researches*, no. 10, pp. 22–37. (In Russian)
- Kara-Murza, S.** (2015). Incommensurance of a value: problem of social crisis. *Social-Humanitarian Knowledge*, no. 5, pp. 155–167. (In Russian)
- Lapin, N. I.** (2015). The fundamental values of civilization choice in the XXI century. Part 2. Axiological preconditions of civilization choice of Russia. *Issues of Philosophy*, no. 6, pp. 3–17. (In Russian)
- Pastukhov, V. B.** (2011). State of splitters. Stern of the Russian authorities. *Social Studies and Modernity*, no. 5, pp. 105–117. (In Russian)
- Perestroika** by the view of Russians: 20 years after (2005). *Sociological Researches*, no. 9, pp. 23–26. (In Russian)
- Polterovich V. M.** (2015). From social liberalism to the philosophy of cooperation. *Social Studies and Modernity*, no. 4, pp. 41–60. (In Russian)

Принята редакцией: 17.10.2016